
СЕКЦИЯ 7

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ЗВУКОПОДРАЖАНИЙ

Аскари А. С.

преподаватель кафедры языкознания и страноведения Востока БГУ, магистр филологических наук

Подавляющее большинство звукоподражаний во многих европейских языках представляют собой подражание звуку. Для исследований, выполняющихся в рамках одного европейского языка или группы родственных языков, такой подход уместен. Однако поскольку наша диссертация выполняется по специальности «Теория языка», в рамках которой исследуются общелингвистические закономерности структурно-семантического строения Языка (языков) [1], при построении общелингвистической классификации важно учитывать особенности разных языковых систем. Для решения данной задачи, прежде всего, необходимо определить, что такое *звукоподражание*.

В лингвистике до сих пор нет общепринятого определения термина *звукоподражание*. Говоря о термине *звукоподражание* и его определении в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой, Г.Е. Корнилов пишет: «Абсолютно неприемлем с нашей точки зрения и традиционный, а потому представляющийся наиболее удобным термин **звукоподражание**. Этому термину здесь дано следующее общепринятое толкование, нанесшее непоправимый вред делу признания теории звукоподражательного происхождения человеческой речи» [2, с. 59]. Для того чтобы понять позицию Г.Е. Корнилова, приведем определение из вышеуказанного словаря: «ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ (ономатопея) *англ.* onomatopoeia, sound symbolism (echoism), *фр.* onomatopée, *нем.* Schallnachahmung, Lautmalerei, *исп.* onomatoreya. 1. Условное воспроизведение звуков природы и звучаний, сопровождающих некоторые процессы (дрожь, смех, свист и т.д.), а также криков животных. ...*Русск.* мяу, гав-гав, кукареку... 2. Создание слов, звуковые оболочки которых в той или иной степени напоминают называемые (обозначаемые) предметы и явления... *Русск.* хохот, кукушка, мурлыкать» [3, с. 157]. Соглашаясь с мнением Г.Е. Корнилова, отметим, что такое определение не соответствует действительности, поскольку звукоподражания

являются речью, представляющей собой «подражание звукам, процессам, движениям; световым, цветовым, статистическим и иным явлениям и качествам окружающей действительности с помощью звуков» [2, с. 60], что, в частности, подтверждается фактами корейского и персидского языков. Таким образом, как обращает внимание Г.Е. Корнилов, звукоподражание – это не подражание звукам, а подражание с помощью звуков [2, с. 60].

Вместо термина *звукоподражание* Г.Е. Корнилов предлагает использовать термин *имитатив*, под которым понимает «подражание с помощью звуков объектам живой и неживой природы, а также их свойствам и качествам, событиям и явлениям». Мы предлагаем использовать термин *имитатив* только в контексте глоттогенеза, поскольку в имитативную эпоху имитативы представляли собой «единственно возможные максимальные отрезки речи, несущие в себе зародышевые состояния категорий предикативности, модальности и времени», а в современных языках они стали словами [2, с. 60].

Таким образом, не отказываясь от широко используемого в русскоязычной литературе термина *звукоподражание*, мы считаем, что необходимо пересмотреть определение термина. В связи с этим обратимся к корейским звукоподражаниям. В корейском языкознании традиционно выделяется два больших класса звукоподражаний: *의성어* (擬聲語, [ыйсэньэ]), 'речь, уподобляющаяся звуку/приравнивающаяся к звуку', звукоподражания, передающие звучание объектов) и *의태어* (擬態語, [ыйтхээ]), 'речь, уподобляющаяся образу/приравнивающаяся к образу', звукоподражания, передающие с помощью звука движения, явления, состояния и качества объектов). Однако при переводе своих трудов на английский язык многие корейские авторы (например, Чхэ Ван [4]) для объединения этих двух классов используют термин *опотаторея*, который соответствует русскому термину звукоподражание. Таким образом, основываясь на определении Г.Е. Корнилова [2, с. 60], но внося некоторые дополнения, под *звукоподражением* мы понимаем *членораздельное* подражание звукам, процессам, движениям, а также подражание световым, цветовым, статическим и иным явлениям и качествам окружающей действительности (включая и самого человека во всех его проявлениях) с помощью звуков.

Исходя из вышесказанного, можно выделить два больших класса звукоподражаний: подражание звуку и подражание образу. Подражание звуку мы предлагаем называть *звуковыражением* (ЗВ), поскольку с помощью звука выражается звучание объекта:

- кор. **퐁덩** [пхунъ-донъ] 'сильный однократный звук, возникающий при падении большого предмета в воду';
- перс. **ترق** [taragh] 'звук треска, негромкого выстрела или взрыва';
- русск. *бум* 'звук, возникающий при ударе в большой колокол, барабан, а также при падении тяжёлого предмета'.
- Для подражания незвуковому образу мы предлагаем термин *звукоизображение* (ЗИ), поскольку с помощью звука изображается образ объекта, например:
 - кор. **설렁** [сел-лэнь]: 'образ легкого однократного дуновения ветра';
 - перс. **فر فر** [fer-fer] 'образ вращения, закручивания'.

Как было показано в нашей статье «К вопросу о процессуальности звуко-символизма» [5], существует также ряд звукоподражаний со сложной семантикой, которые занимают промежуточное положение между ЗВ и ЗИ и вызывают в сознании сложный образ, состоящий как из звуковых, так и незвуковых элементов с доминированием одного из них:

- кор. **바삭바삭** [пасак-пасак] '1) звук и/или образ шуршания или шороха опавших сухих листьев или сухой травы; 2) звук треска или разрывания износившихся вещей и/или образ процесса покрытия трещинами или разрывания; 3) звук хруста при укусе чего-то твердого и хрустящего и/или образ процесса осуществления укусов';
- перс. **شلپ شلپ** [shelep-shelep] '1) повторяющийся звук ходьбы по грязи; 2) звук от многократных ударов руками о поверхность воды; 3) звук и/или образ постоянного перемешивания руками жирной пищи';
- русск. *тон-тон* 'звук и/или образ ходьбы'.

Подобный «смешанный» подкласс звукоподражаний, имеющих черты как ЗВ, так и ЗИ, мы предлагаем называть *звукообразами*. Звукообразы в свою очередь могут быть двух видов: с доминированием звукового или образного элемента. При этом, учитывая, что переход от одного класса звукоподражаний к другому носит эволюционный характер [5, с. 5-6], классификацию звукоподражаний представим в виде схемы.

В ряде языков могут отсутствовать или быть очень малочисленными некоторые классы звукоподражаний, однако если речь идет об установле-

нии общелингвистических закономерностей структурно-семантического строения Языка, то классификация должна быть максимально широкой. Предложенная нами классификация позволяет установить границы понятия *звукоподражание* вне зависимости от особенностей языка, пересмотреть и унифицировать подходы к исследованию данных языковых единиц в различных языках и решить проблему узкой трактовки звукоподражания как подражанию звуку.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. 10.02.19 – теория языка // ВАК РБ [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://www.vak.org.by/node/1107>. – Дата доступа: 14.01.2017.
2. Корнилов, Г.Е. Имитативы в чувашском языке / Г.Е. Корнилов. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1984. – 184 с.
3. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Изд. 2-е, стереотип. – Москва: Издательство «Советская энциклопедия», 1969. – 608 с.
4. Чхэ, Ван. Звукоподражания в корейском языке / Ван Чхэ. – Сеул: Издательство Сеульского университета, 2003. – 264 с.
5. Аскари, А.С. К вопросу о процессуальности звуко-символизма / А.С. Аскари // Научные чтения, посвященные Виктору Владимировичу Маргынову: сб. науч. тр. Вып. IV. В 2 ч. Ч. 1 / редкол.: Г.А. Цыхун (отв. ред.), С.П. Витязь (зам. отв. ред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2016. – С. 4-9.

ФИЛОСОФСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИХ СЮЖЕТОВ В КОСМОГОНИИ ЧЖУАН-ЦЗЫ

Климович В.В.

*преподаватель кафедры языкознания и страноведения Востока БГУ,
магистр востоковедения*

Философия Китая – одна из самых богатых и древних философий мира. Она уходит своими корнями в глубь веков и отличается устойчивостью традиций, поэтому философские концепции, сформировавшиеся в древности, в значительной степени определили основы китайской культуры и менталитета. Это влияние сохраняется до сих пор на уровне архетипических образов и понятий, характерных для общества. С этой точки зрения особый интерес представляет философия даосизма, впитавшая в себя широкий пласт народных верований, которые до этого оставались на периферии духовной жизни общества.